

**Роберт Хессен
Айн Рэнд
Алан Гринспен
Натаниэль Бранден**

Капитализм. Незнакомый идеал

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314499
Капитализм: Незнакомый идеал: Альпина Паблишерз; Москва; 2011
ISBN 978-5-9614-2033-3*

Аннотация

Айн Рэнд (1905–1982) – наша бывшая соотечественница, крупнейшая американская писательница, чьи книги оказали мощнейшее влияние на мировоззрение миллионов людей во всем мире, автор признанных бестселлеров «Атлант расправил плечи», «Источник», «Гимн» и др.

Книга «Капитализм: Незнакомый идеал» представляет собой сборник статей, написанных Айн Рэнд в разные годы, которые и сегодня поражают своей злободневностью, остротой и убедительностью. В них автор на реальных примерах из общественной, политической и экономической жизни блестяще доказывает основной посыл своей философии: человека может сделать свободным и счастливым только система, ставящая во главу угла личность, система, основанная на рациональности, свободном обмене идеями и товарами, а именно – капитализм. А значит – только такую систему можно считать нравственной, и любые идеологические компромиссы способны нанести человечеству лишь вред.

Содержание

Введение	5
1. Что такое капитализм?	8
2. Семена войны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Айн Рэнд, Натаниэль Бранден, Алан Гринспен, Роберт Хессен Капитализм. Незнакомый идеал

Capitalism. The Unknown Ideal

With Additional Articles by Nathaniel Branden, Alan Greenspan, and Robert Hessen

Переводчики Г. Зеленина, М. Кульнева, Е. Милицкая, С. Силакова, К. Щербино

Редактор Ю. Быстрова

Руководитель проекта Е. Гулитова

Корректоры Е. Чудинова, О. Ильинская

Компьютерная верстка А. Абрамов

Дизайн обложки *DesignDepot*

© Ayn Rand, 1946, 1962, 1964, 1966

© The Objectivist Newsletter, Inc., 1962, 1963, 1964, 1965

© Alan Greenspan, 1962

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина», 2011

Издано при содействии Curtis Brown и литературного агентства «Синописис»

© Электронное издание. «ЛитРес», 2013

Рэнд А.

Капитализм: Незнакомый идеал / Айн Рэнд; С добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишерз, 2011.

ISBN 978-5-9614-2033-3

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Эта книга – не трактат по экономике. Это сборник статей об этических аспектах капитализма.

Наша позиция была суммирована в моем утверждении, опубликованном в первом выпуске *The Objectivist Newsletter* (январь 1962):

«Объективизм – это философское течение, а так как политика есть раздел философии, объективизм защищает ряд политических принципов, в особенности принцип невмешательства государства в экономическую деятельность частного сектора, поскольку они следуют из наших фундаментальных философских принципов и являются их главным практическим воплощением. Для объективизма политика не является отдельной или главной целью и рассматривается в широком идеологическом контексте.

В основании политики лежат три философские дисциплины – метафизика, эпистемология и этика – теория о человеческой природе и взаимоотношении человека с реальностью. Лишь на подобном базисе можно сформулировать цельную политическую теорию и претворять ее в практику... Объективисты – не «консерваторы». Мы – радикальные сторонники капитализма. Мы пытаемся сформулировать философскую первооснову, которой капитализм до сих пор не имеет, и без которой он обречен на гибель».

Я хочу подчеркнуть: сфера наших интересов – не политика или экономика как таковые, но «человеческая природа и взаимоотношения человека с реальностью». Мы защищаем капитализм, поскольку это единственная система, в рамках которой может быть организована жизнь разумного человеческого существа.

В связи с этим существует фундаментальное различие между нашим подходом и тем, который демонстрируют как традиционные защитники капитализма, так и его современные апологеты. За малым исключением, именно они, по определению, несут ответственность за крах капиталистической системы. И вина их заключается в том, что они не могут либо не желают защищать морально-философские установки капитализма как системы.

Ни одна политико-экономическая система в человеческой истории не продемонстрировала свои достоинства так красноречиво, не принесла человечеству столь неоспоримой выгоды, как капитализм, – и ни на одну не нападали столь злобно, яростно и бездумно. Поток дезинформации, неадекватных представлений, искажений и откровенных фальсификаций столь мощен, что молодое поколение не имеет представления о сути капитализма – и, в сущности, не имеет возможности подобными представлениями обогатиться. В то время как археологи тщательно исследуют руины ушедших тысячелетий, разыскивая обломки керамики и осколки костей, чтобы с их помощью восстановить информацию о доисторической эпохе, события менее чем вековой давности погребены отнюдь не под наслоениями, образовавшимися в результате многовековой работы ветров, наводнений и землетрясений, но под наслоениями, проникнуть сквозь которые человеческому взору куда труднее, – под курганами молчания.

Никакому злодею, никакому заговорщику не под силу стереть из памяти человечества истину столь масштабную, скрыть секрет, давно ставший достоянием гласности, без применения власти или использования цензуры, без единого слова протеста удалить из человеческой памяти тот факт, что идеальное общественное устройство было почти что нами достигнуто.

Именно признанные защитники капитализма своим молчанием, своим нежеланием говорить о соотношении капитализма и альтруизма довели дело до того, что капитализм разрушается на наших глазах – без публичных слушаний, без суда, без объяснения публике его принципов, его сути, его моральных ценностей. Его убивают, как на судилище, где сле-

пая, отчаянно беснующаяся толпа, сжигая соломенное чучело, и не подозревает, что внутри бесформенной кучи соломы спрятан живой, истинный идеал.

Демонстрируемый нам метод убийства капитализма не дает миру узнать, что же именно уничтожается; и самое печальное, что эта информация не доходит до людей молодых.

Цель данной книги – предоставить эту информацию.

Вина за нынешнее состояние нашего мира лежит, за редкими исключениями, на тех, кому сегодня за 40, – на тех, кто в своих речах говорил меньше, нежели знал, и менее определенно, нежели того заслуживал предмет их выступлений.

Эта книга адресована тем, кто молод годами или душой, тем, кто не боится знаний, кто не желает сдаваться.

Им непременно следует знать о том, что попытки врагов капитализма направлены на сокрытие единственного факта: капитализм – не просто «практически ориентированная» система, но и единственная система в человеческой истории, обладающая моральными ценностями. (См. «Атлант расправил плечи»¹.)

Политические вопросы – отнюдь не главные в книге «Атлант расправил плечи». Главное в ней – этические и эпистемологические аспекты: роль разума в жизни человека – и, разумеется, политика, как неизбежное следствие данной темы. Однако столь силен в наше время возвращенный современной философией гносеологический хаос, что многие молодые читатели затрудняются не только претворить абстрактные построения в политические принципы, но и применить их к оценке сегодняшних событий. Эта книга должна им помочь. Ее можно назвать документальным приложением к «Атланту».

Поскольку любая политическая система базируется на той или иной этической теории, я предлагаю читателям, искренне желающим постигнуть сущность капитализма, сначала прочесть «Добродетель эгоизма»² – сборник эссе, посвященных этике объективизма, который можно назвать необходимой основой для данной книги. Ни одна политическая дискуссия не будет сколько-нибудь осмысленной и вразумительной без четкого понимания двух основополагающих терминов – «права» и «правительство» – хотя в практикуемой нынче технике умышленного запутывания подобных вопросов обсуждения именно этих определений принято всеми силами избегать. Поэтому я предлагаю вам начать знакомство с этой книгой с прочтения (первого или очередного) двух более ранних статей «Права человека» и «Природа государства» (главы 25 и 26 настоящего издания).

Большинство собранных в этой книге эссе первоначально были опубликованы в *The Objectivist Newsletter*. Другие были созданы по материалам лекций или исследований, о чем указано в соответствующих текстах. Некоторые из статей содержат краткие возражения на наиболее распространенные заблуждения, касающиеся капиталистической экономики. Эти статьи, написанные в ответ на вопросы, задаваемые нашими читателями, были опубликованы в разделе «Интеллектуальное оружие» *The Objectivist Newsletter*. Интересующиеся политэкономией найдут в конце книги список литературы по данному вопросу.

Теперь – пара слов о тех, кто внес свой вклад в создание этой книги. Это Роберт Хессен, который в настоящее время заканчивает работу над диссертацией по истории в Колумбийском университете и преподает в бизнес-школе Колумбийского университета. Также упомяну Алана Гринспена – президента компании Townsend-Greenspan, и ряд экономических консультантов.

¹ Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. – 6-е изд. —М.: Альпина Паблишерз, 2011.

² Рэнд А. Добродетель эгоизма. —М.: Альпина Паблишерз, 2011.

Айн Рэнд

Нью-Йорк, июль 1966 г.

Р.S. Натаниэль Бранден больше не имеет ничего общего со мной, моей философией или журналом *The Objectivist Newsletter*.

A.P.

Нью-Йорк, ноябрь 1970 г.

1. Что такое капитализм?

Айн Рэнд

Распад философии в XIX столетии и ее полный крах в XX веке повлекли за собой сходные, хотя гораздо более замедленные и не столь заметные со стороны, процессы в современной науке. Безумные темпы сегодняшнего технического прогресса чем-то неуловимо схожи с ситуацией накануне экономического кризиса 1929 года – собственной движущей силы эта безудержная горячая экспансия не имеет. Паразитируя на прошлом, на остатках бесстыдно присвоенной аристотелевской эпистемологии, она не желает осознать, что ее теоретический кредит давно превышен; что ученые больше не могут ни обобщать, ни интерпретировать на теоретическом уровне данные собственных исследований, а потому потворствуют возрождению дикарского мистицизма. В области гуманитарных наук, однако, кризис уже наступил, «Великая депрессия» началась, окончательный крах вот-вот наступит.

Особенно явственно это видно на примере таких относительно молодых наук, как психология и политическая экономия. Некоторые психологи пытаются изучать поведение человека, ни словом не упоминая о том, что человек обладает самосознанием, а некоторые политические экономисты – изучать и разрабатывать модели общественного устройства, ни словом не упоминая о *человеке вообще*.

Именно философия формулирует и диктует эпистемологические критерии и познания в целом и конкретных наук в частности. Политическая экономия выступила на первый план в XIX веке, в эпоху посткантианского распада философии, и никто не вызвался проверить ее предпосылки или оспорить ее основы. Негласно, по умолчанию политическая экономия приняла за аксиому догматы коллективизма.

По словам самих политических экономистов, включая приверженцев капитализма, их наука исследует, каким образом нация, или «сообщество», распоряжается или манипулирует своими «ресурсами», как эти ресурсы используются или упорядочиваются. Характер «ресурсов» не уточнялся; то, что они – в общественной собственности, считалось само собой разумеющимся, а задачу политической экономии видели в том, чтобы изучать способы их использования ради «общего блага».

В лучшем случае главному «ресурсу» – человеку, с его особой природой, специфическими потребностями и способностями уделялось минимум внимания. Его рассматривали в общем ряду с землей, лесами или шахтами, как один из факторов производства, причем один из самых маловажных. Роли и свойства человека посвящалось куда меньше исследований, чем значимости и свойствам вышеупомянутых элементов.

Политическая экономия как наука, по сути, поставила телегу впереди лошади; заметив, что люди занимаются производством и торговлей, она сочла – точнее, бездумно приняла на веру, – что люди занимались этим всегда и будут заниматься всегда. Исходя из этого, она задумалась, каким образом «сообщество» может лучше всего распорядиться человеческим фактором.

Такое первобытно-племенное отношение к человеку было вызвано к жизни рядом предпосылок – например, этикой альтруизма и растущим влиянием политического этатизма среди интеллектуалов XIX века. В психологическом плане его главной основой стала пронизывающая европейскую культуру дихотомия «дух/тело»: производство материальных благ считалось унизительным, несостоящим занятием, не дающим пищи для человеческого интеллекта, ведь оно с доисторических времен было уделом рабов или крепостных. Институт рабства в той или иной форме сохранялся вплоть до середины XIX века. Он был ликвидирован (но, заметьте, не как ментальная категория) лишь благодаря приходу капитализма.

Европейской культуре было глубоко чуждо представление о человеке как о свободной, независимой личности. То была племенная культура; в европейском понимании существо, единица – именно племя, а человек – лишь расходный материал, одна-единственная клетка большого организма. Это относилось и к крепостным, и к правителям; считалось, что правители обладают своими привилегиями лишь в силу того, что оказывают племени определенные услуги. Эти услуги – а конкретнее, забота об армии и вооруженной защите населения – считались «благородным делом», но дворянин был таким же движимым имуществом племени, как крепостной, ибо его жизнь и собственность принадлежали королю. Не будем забывать, что институт частной собственности в полном юридическом смысле этого термина возник лишь при капитализме. В докапиталистические времена частная собственность существовала де-факто, но не де-юре, то есть по обычаю и с молчаливого согласия, а не по праву или по закону. Юриспруденция и общие принципы устройства общества гласили: вся собственность принадлежит главе племени, королю, который дает разрешение ею владеть, но в любой момент, по своему усмотрению, может передумать. (Как известно из истории Европы, короли имели право конфисковывать поместья непокорных дворян и многократно им пользовались.)

Европейские интеллектуалы так и не уяснили, что такое американская философия Прав Человека. В Европе возобладало свое понимание свободы: представление о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в короле, сменилось представлением о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в «народе», то есть иго вождя племени сменилось игом самого племени. Принять иное, далекое от племенного мировоззрение оказалось не под силу людям, для которых признак благородства – это привилегия командовать производителями материальных благ при помощи кнута.

Европейские мыслители не заметили, что в XIX веке на смену рабам-галерникам пришли изобретатели пароходов, а на смену деревенским кузнецам – владельцы доменных печей; они продолжали мыслить в таких терминах (точнее, оксюморонах), как «рабство наемного труда» или «антиобщественный эгоизм фабрикантов, которые так много берут у общества, ничего не отдавая взамен», исходя из принятой на веру аксиомы, что богатство – это анонимный, общественный, племенной продукт.

Эту концепцию никто не оспорил по сей день; она являет собой негласную предпосылку и основополагающий тезис современной политической экономии.

Как образец этой концепции и ее последствий я процитирую статью «Капитализм» из энциклопедии Britannica. Термина в статье не определяют; она начинается следующим образом:

«Капитализм – термин, используемый для обозначения экономического уклада, который стал господствующим в странах Запада после распада феодализма. Основой любого уклада, называемого капиталистическим, являются отношения между частными владельцами объектов вно существующих средств производства (земли, шахт, промышленных предприятий и т. п., обобщенно именуемых "капиталом") и свободными, но не имеющими капитала работниками, которые продают свою трудовую деятельность нанимателям... В результате заключается соглашение о заработной плате, определяющее, в какой пропорции валовой общественный продукт будет поделен между классом трудящихся и классом капиталистических предпринимателей»³.

³ Encyclopaedia Britannica. 1964. Vol. IV. P. 839–845.

(Прочитую слова Голта, персонажа моего романа «Атлант расправил плечи». Вот как он пересказывал догматы коллективизма: «Промышленник... – пробел – такого человека не существует. Завод – это "естественный ресурс", как дерево, камень или грязевая лужа»⁴.)

Успех капитализма Britannica объясняет следующим образом:

«Вложение "излишков общественного богатства" в производство оказалось тем особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады. Вместо того чтобы возводить пирамиды и соборы, лица, распоряжавшиеся общественными излишками, предпочитали вкладывать их в корабли, склады, сырье, промышленные товары и другие материальные разновидности богатства. Таким образом общественные излишки конвертировались в расширенные производственные возможности».

Это сказано о времени, когда население Европы прозябало в такой нищете, что детская смертность достигала чуть ли не 50 %, а периодические неурожаи истребляли *«излишки людского богатства»*, то есть тех, кого не могли прокормить докапиталистические общества. Однако, не проводя различий между двумя разновидностями богатства – произведенным и экспроприированным в качестве налога, – энциклопедия утверждает, что первые капиталисты того времени *«распоряжались»* не чем иным, как *излишками богатства*, и что на их вложениях стоит последующая эпоха фантастического процветания.

Что же такое *«излишки общественного богатства»*? В данной статье этот термин никак не определяется и не поясняется. *«Излишек»* предполагает существование нормы; если хроническое недоедание приравнивается даже не к нормальному уровню жизни, а к благополучию, то какова же в таком случае норма? Автор статьи не дает ответа.

Разумеется, на самом деле никаких *«общественных излишков»* не бывает. Все богатство кем-то производится и кому-то принадлежит. *«Особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады»*, была *свобода* (отсутствие этого понятия в статье весьма симптоматично), повлекшая за собой не экспроприацию, а *создание* нового богатства.

Позднее я еще вернусь к этой статье, постыдной во многих отношениях, и не в последнюю очередь – с научной точки зрения. Пока же я процитировала ее как самый лаконичный и наглядный пример первобытно-племенной аксиомы, на которой зиждется современная политическая экономия. В эту аксиому равно веруют враги и поборники капитализма; первым она дарует что-то вроде внутренней цельности, вторых обезоруживает изысканно-интеллектуальным, но пагубным ореолом ханжества – возьмем, к примеру, попытки оправдать капитализм на основании таких понятий, как *«общее благо»*, или *«служение потребителю»*, или *«наилучшее распределение ресурсов»* (*чьих*, собственно, ресурсов?).

Чтобы все-таки понять, что такое капитализм, надо проверить и оспорить *аксиому о племени как о минимальной единице социума*.

Человечество – не существо, не организм, не коралловый куст. Существо, занятое производством и торговлей, – *индивид*. Только с изучения индивида, а не того рыхлого целого, которое зовется *«сообществом людей»*, должна начинаться любая гуманитарная наука.

Таково одно из эпистемологических различий между гуманитарными и точными науками, порождающих, среди прочего, тот вполне оправданный комплекс неполноценности, который испытывают гуманитарии. Ни одна точная наука не позволит себе (*пока еще не позволит*) игнорировать характер своего предмета или уходить от него. Иначе астрономия,

⁴ Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. – 6-е изд. —М.: Альпина Паблишерз, 2011. —Ч. III. —С. 393.

созерцая небосвод, пренебрегала бы изучением отдельных звезд, планет и спутников, а медицина изучала бы болезни, ничего не зная о здоровье и его критериях, и основным предметом исследования считала бы больницу, не обращая внимания на отдельных пациентов.

Изучая человека, можно очень много узнать об обществе, но, изучая общество – взаимоотношения существ, остающихся для тебя неопознанными и неопределенными, – абсолютно ничего не узнаешь о человеке. Однако именно такой методологии придерживается большинство политических экономистов. Их подход на деле сводится к тайному, негласному постулату: «Человек – это элемент экономических формул». Поскольку человек в эти формулы явно не вписывается, возникает занятная ситуация: политические экономисты, несмотря на прикладной характер своей науки, совершенно не способны увязывать свои абстракции с реальной действительностью.

Кроме того, это ведет к пагубному двойному стандарту в их отношении к людям и событиям. Если они увидят сапожника, то без особых умственных усилий придут к выводу, что он трудится ради заработка; но как политические экономисты, основываясь на племенной аксиоме, заявляют, что его предназначение (и долг) – снабжать общество обувью. Увидев уличного попрошайку, они опознают в нем бродягу; в науке же он становится «независимым потребителем». Услышав коммунистическую проповедь, требующую передать всю собственность государству, они категорически протестуют и *искренне* готовы бороться с коммунизмом до последнего вздоха; но как ученые толкуют о том, что долг правительства – обеспечить «справедливое перераспределение богатства», а бизнесменов называют лучшими, наиболее умелыми попечителями «природных ресурсов нации».

Вот до чего может довести философская неряшливость; вот до чего довела первобытно-племенная аксиома.

Чтобы отринуть ее и начать с нуля, сопоставляя различные общественные уклады и вырабатывая собственный подход к политической экономии, прежде всего следует выяснить природу человека, то есть основные признаки, отличающие его от всех других видов живых существ.

Основная черта человека – его способность к разумному мышлению. Для человека интеллект – главное средство выживания.

«Человек не может выжить, подобно животным, с помощью одной лишь способности к восприятию... Без мышления человек не может обеспечить свои простейшие физиологические потребности. Чтобы узнать, как посадить и вырастить съедобные растения или как изготовить оружие для охоты, ему необходимо мыслить. Его восприятие может привести его в пещеру, если она имеется, но для постройки простейшего убежища ему необходимо мыслить. Никакие образы и никакие "инстинкты" не скажут ему, как развести огонь, как получить ткань для одежды, как выковать инструменты, как сделать колесо, как построить самолет, как вырезать аппендикс, как изготовить лампочку, электронно-лучевую трубку, циклотрон или коробок спичек. Но его жизнь зависит от этих знаний, а дать ему их может только произвольный акт его сознания, процесс мышления»⁵.

Мышление – невероятно сложный процесс идентификации и интеграции, доступный только сознанию индивида. «Коллективного мозга» просто нет. Люди могут учиться друг у друга, но это требует мыслительных усилий каждого ученика. Люди могут объединять свои силы, чтобы приобрести новые знания, но объединение это требует, чтобы каждый думал самостоятельно. Человек – единственный биологический вид, который способен передавать

⁵ Рэнд А. Добродетель эгоизма. — М.: Альпина Паблишерз, 2011. — С. 23.

и расширять свой запас познаний от поколения к поколению; но эта передача требует мыслительных усилий со стороны каждого получателя. Тому порукой периоды упадка цивилизации, темные века в истории нашего прогресса, когда знания, накапливаемые столетиями, буквально испарялись из жизни людей, которые не могли, не желали или не смели мыслить.

Чтобы поддерживать в себе жизнь, существо любого биологического вида должно осуществлять четкую программу, предопределенную его природой. Деятельность, необходимая для поддержания жизни в человеке, преимущественно интеллектуальна: все, что человеку нужно, он должен изобрести с помощью разума и произвести с участием мыслительных усилий. Производство – это приложение разума к проблеме выживания.

Те, кто предпочитает не мыслить, могут выжить, лишь подражая и следуя методам работы, изобретенным кем-то другим; но «другие» должны были их изобрести, иначе не выживет никто. Те, кто предпочитает не мыслить и не работать, могут существовать (временно), воруя то, что произвел кто-то другой; но «другие» должны производить, иначе не выживет никто. Какой бы выбор ни сделал конкретный человек или какое-то множество людей (можно предпочесть бездумные, иррациональные или подлые поступки), остается фактом, что разум – средство выживания человека и что люди обогащаются или разоряются, выживают или гибнут в зависимости от того, насколько они разумны.

Знание, мышление и разумные действия – свойства индивида, и сам индивид решает, будет ли он пользоваться своей способностью к разумному мышлению, а значит, выживание человечества требует, чтобы мыслящие люди были защищены от тех, кто не мыслит. Поскольку люди не всеведущи и не идеальны, они должны иметь возможность и право соглашаться или не соглашаться, сотрудничать с другими или действовать независимо, по-своему, в соответствии со своим личным мнением, сформированным в результате умственной деятельности. Свобода – основная потребность человеческого разума.

Мозг разумного человека не заставишь работать насильно. Свою оценку реальности он не подчиняет приказам, директивам или контролю; своими познаниями, своим пониманием истины он не жертвует в пользу чьих бы то ни было мнений, угроз, желаний, планов или «благополучия». Ему могут чинить препятствия другие, его могут выслать, посадить в тюрьму или убить; но принуждение над ним не властно, ведь револьвер – не довод. (Пример и символ этого – Галилей.)

Всеми своими познаниями и достижениями человечество обязано труду и непоколебимой цельности упорных новаторов (см. роман «Источник»⁶). Если бы не эти умы, оно давно бы вымерло (см. «Атлант расправил плечи»). Принцип этот распространяется на всех людей, каковы бы ни были их способности и стремления. Если человек разумно оценивает ситуацию, он действует согласно потребностям своей природы и обеспечивает себе сносную, человеческую жизнь. Если он действует неразумно, то сам себя губит.

То, что разумность присуща человеку от природы, как и прямая связь между применением разума и выживанием, признано обществом в форме такого понятия, как *«права личности»*.

Напомню, что «права» – это этический принцип, определяющий и санкционирующий свободу действий человека в его социальном окружении. Их основание – природа человека, его принадлежность к разумным существам; наконец, они – необходимое условие его выживания. Напомню и о том, что право на жизнь – начало всех прав, включая право собственности⁷.

Говоря о политической экономии, последний вид права нужно подчеркнуть особо; чтобы поддерживать в себе жизнь, человек должен работать и что-то производить. Он дол-

⁶ Рэнд А. Источник: В 2 кн. – 2-е изд. —М.: Альпина Паблишерз, 2010.

⁷ См. главу 25 «Права человека» наст. изд.

жен поддерживать ее своими собственными силами, руководствуясь указаниями собственного разума. Если он не может распоряжаться плодами своих усилий, то не может распоряжаться и своими усилиями; если он не может распоряжаться своими усилиями, то не может распоряжаться и своей жизнью. Без права собственности никакими другими правами воспользоваться невозможно.

Теперь, учитывая вышеизложенные факты, рассмотрим вопрос о том, какой общественный уклад действительно соответствует природе человека.

Общественный уклад – это комплекс этико-политико-экономических принципов, воплощенных в законах, институтах и исполнительной власти некоего социума и предопределяющих условия сотрудничества между людьми, живущими в пределах определенной географической области. Совершенно очевидно, что эти условия зависят от понимания природы человека; в обществе разумных существ они будут не такими, как в муравейнике. Очевидно и то, что эти отношения будут кардинально различаться в зависимости от того, взаимодействуют ли люди между собой как свободные, независимые личности, считающие, что всякий человек самоценен, или же как члены одной стаи, где всякий видит в других лишь слепые орудия достижения своих *личных* целей, а также целей «стаи вообще».

Природу любого общественного уклада предопределяют всего два основных вопроса (или два аспекта одного и того же вопроса): «Признает ли этот общественный уклад права личности?» и «Запрещает ли этот общественный уклад применять физическую силу при взаимодействии людей между собой?». Ответ на второй вопрос проясняет, решен ли вопрос первый.

Что такое человек – самостоятельная личность, которой принадлежат ее тело и разум, ее жизнь, ее труд и его плоды, или собственность племени (государства, общества, коллектива), которое может распоряжаться им по своему усмотрению, диктовать ему убеждения, предопределять его жизненный путь, управлять его трудом и присваивать то, что он производит? Есть ли у человека *право* существовать ради самого себя, или он рождается рабом, словно крепостной, который должен все время выкупать свою жизнь, служа обществу, но никогда не получит ее безоговорочно и безвозмездно?

С вопроса «Свободен ли человек?» следует начать. Все прочие – лишь его следствия. За всю историю человечества лишь один общественный уклад отвечает на него утвердительно. Это капитализм.

Капитализм – это общественный уклад, основанный на признании прав личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц.

Признание прав личности включает в себя запрет на применение физической силы при взаимодействиях между людьми. В капиталистическом обществе ни один человек или группа людей не вправе применять физическую силу против других *первыми*. В таком обществе единственная функция исполнительной власти – меры по защите прав человека, то есть по защите его от физических посягательств; человек перепоручает власти осуществлять его право на самозащиту, и власть должна использовать силу только в качестве карательной меры и только против тех, кто применяет ее первыми; итак, исполнительная власть – это средство поставить карательные силовые меры под *беспристрастный контроль*⁸.

Капитализм утверждает и защищает не что иное, как основополагающую, метафизическую составляющую природы человека, связь между применением разума и выживанием.

В капиталистическом обществе все человеческие взаимоотношения *добровольны*. Люди вольны сотрудничать между собой или не сотрудничать, заключать сделки или не заключать в соответствии с тем, что диктуют им личные мнения, убеждения и интересы.

⁸ Подробнее на эту тему см. главу 26 «Природа государства» наст. изд.

Они могут взаимодействовать между собой только на разумных условиях и разумными средствами, то есть средствами обсуждения, убеждения и *договорных* соглашений, добровольного выбора на условиях взаимной выгоды. Ни одно общество не отказывает своим членам в праве на согласие с другими; различаются социальные системы наличием либо отсутствием *права на несогласие*. Именно институт частной собственности защищает и практически осуществляет это право, тем самым уничтожая препятствия для проявления самого ценного человеческого качества (ценного не только для него лично, но и для общества, *объективно ценного*) – способности мыслить творчески.

В этом и состоит кардинальное различие между капитализмом и коллективизмом.

Сила, предопределяющая возникновение, изменения, эволюцию и разрушение общественного уклада, – философия. Роль случая, стечения обстоятельств и традиции в данном контексте такова же, как и в жизни отдельного человека; их могущество обратно пропорционально могуществу философского арсенала культуры (или отдельного человека) и растет по мере того, как философия приходит в упадок. Поэтому о характере общественного уклада следует судить по его философии. Четырём разделам философии соответствуют четыре краеугольных камня капитализма: в метафизическом плане – потребности человеческой натуры и выживания, в эпистемологическом – разумность, в этическом – права личности, в политическом – свобода.

Без этих оснований мы не истолкуем правильно политическую экономию и не поймем, чем капитализм лучше первобытно-племенного строя.

«*Практическое*» оправдание капитализма заключается не в том, что этот уклад обеспечивает «наилучшее распределение ресурсов нации», как думают некоторые коллективисты. Человек и его разум – *отнюдь не «ресурсы нации»*, а без творческой мощи нашего разума сырьё остается лишь сырьём.

Нравственное оправдание капитализма – вовсе не в том, что он помогает достигнуть «общего блага», как сказали бы альтруисты. Правда, капитализм и впрямь его обеспечивает (если затёртое выражение «общее благо» вообще что-то значит), но это лишь побочное следствие. Нравственное оправдание капитализма в том, что это единственный уклад, созвучный природной разумности человека, гарантирующий человеку *человеческое* существование и руководимый принципом *справедливости*.

Всякий общественный уклад явно или скрыто зиждется на некоей этической теории. Племенное понятие «общего блага» служило нравственным оправданием большинства известных истории общественных укладов и всех тираний. Степень порабощённости или свободы того или иного общества соответствовала тому, насколько громко провозглашали (или, напротив, решительно обходили) этот первобытно-племенной лозунг.

«Общее благо» (или «интересы общества») – понятие неопределённое и неопределимое: такого существа, как «племя», или «общество», на свете нет. «Племя» (или «общество», или «народ») – это лишь множество отдельных людей. Нет ни одного блага, которое было бы благом для племени вообще. Термины «благо» и «ценность» относятся только к живому организму, взятому по отдельности, а не к бесплотной совокупности взаимоотношений.

Понятие «общее благо» не имеет никакого смысла, кроме буквального, узкого: «совокупность того, что хорошо для *всех* отдельных людей». Но в таком случае оно не может служить нравственным критерием, поскольку не проясняет, что именно хорошо для них и как это «хорошо» распознать.

Однако такое понятие обычно используется не в своем буквальном значении. С ним мирятся именно благодаря его растяжимости, неопределённости. Это не нравственный ориентир; наоборот, оно помогает уйти от нравственности. Поскольку понятие «благо» нельзя применить по отношению к чему-то бесплотному, оно даёт нравственный карт-бланш тем, кто пытается представить себя его воплощением.

Когда в некоем социуме считают, что «общее благо» не совпадает с личным благом его членов и, более того, стоит выше личного блага, это значит, что благо *одних* ставится выше блага других, а этих других обрекают на роль жертвенных животных. Тут действует молчаливая договоренность, что под «общим благом» предполагается «благо *большинства*», противопоставляемое благу меньшинства или индивида. Обратите внимание, что эта договоренность *молчаливая*: даже сверхколлективистское мышление словно бы чувствует, что невозможно ее нравственно оправдать. Но «благо большинства» – тоже иллюзия. Поскольку на деле попрание прав личности отменяет все права, это общество, которое руководствуется подобной идеей, отдает беспомощное большинство во власть любой банды, которая провозгласит себя «гласом народа» и начнет управлять страной силовыми методами, пока ее не сместит другая банда.

Если начать выяснять, в чем состоит благо для индивида, то придется признать справедливым лишь то общество, где это благо осуществляется и *осуществимо*. Но если считать «общее благо» чем-то бесспорным, а благо личное – лишь его возможным, но отнюдь не обязательным следствием (не обязательным при каких бы то ни было конкретных условиях), получится отвратительный абсурд вроде Советской России – государства, декларирующего служение «общему благу», где все население, кроме немногочисленной правительственной клики, прозябает в нечеловеческой нищете уже как минимум два поколения.

Почему жертвы и, что еще ужаснее, сторонние наблюдатели мирятся с мерзостями, реальность которых вполне доказана, и продолжают держаться за миф об «общем благе»? За ответом следует обратиться к философским теориям о природе нравственных ценностей.

Можно выделить три интерпретации вопроса о природе блага: теорию «блага-в-себе» («внутреннего блага»), субъективистскую и объективистскую.

Теория «блага-в-себе» гласит, что благо неотъемлемо присуще некоторым объектам или поступкам как таковым, независимо от их контекста и последствий, от того, полезны они или вредны для лиц, совершающих данные действия, и лиц, на которых эти действия направлены. Эта теория отделяет понятие «блага» от «благодетельствованных», а понятие «ценность» – от цели и «оценщика», утверждая тем самым, что благо есть «благо-в-себе», «для-себя» и «само-по-себе».

Субъективистская теория гласит, что благо никак не связано с реальной действительностью. Оно – продукт человеческого сознания, порождаемый его чувствами, желаниями, «интуитивными догадками» или капризами, то есть всего лишь «произвольный постулат» или «эмоциональное обязательство».

Теория «блага-в-себе» утверждает, что благо в том или ином смысле локализуется в реальности и не зависит от нашего сознания; субъективистская теория утверждает, что благо локализуется в сознании и никак не связано с реальностью.

Объективистская теория гласит, что благо – отнюдь не характеристика «вещей-в-себе» или эмоциональных состояний, но оценка реальной действительности человеческим сознанием в соответствии с рациональными ценностными критериями. (В данном контексте «рациональный» означает «почерпнутый из реальной действительности и проверенный средствами рационального мышления»). Теория эта утверждает, что *благо – один из аспектов действительности, взятой в ее соотношении с человеком*, и что человек должен не выдумать благо, а *отыскать* его. Для объективистской теории ценностей основополагающий вопрос – *ценно для кого и ради чего?* Она не позволяет «воровать» понятия или выдергивать их из контекста; она не разрешает отделять «ценность» от «предназначения», благо – от его получателей, действия – от разума.

Из всех общественных укладов, которые знала история человечества, *только капитализм основан на объективистской теории ценностей*.

Субъективистская теория и теория «блага-в-себе» (либо их помесь) являются необходимым фундаментом диктатуры и тирании, любой разновидности абсолютистского государства. Неважно, осознанны эти теории или нет, излагаются ли они открыто в философском трактате или маячат смутными отголосками этого трактата в хаотическом сознании простого человека; главное – они позволяют людям верить, что благо не зависит от человеческого сознания и может быть отвоено силой.

Если человек убежден, что благо неотъемлемо присуще определенным действиям, он непременно принудит к этим действиям других людей. Если он убежден, что полезность или пагубность этих действий для других учитывать не стоит, он спокойно прольет целое море крови. Если он считает, что люди, которых он стремится осчастливить, сами по себе ничего не значат (или их легко заменить), он сочтет массовое истребление людей своим нравственным долгом во имя «высшего» блага. Именно теория «блага-в-себе» порождает Робеспьеров, Лениных, Сталиных и Гитлеров. Эйхман не случайно был кантианцем.

Если человек полагает, что благо – дело произвольного, субъективного выбора, выбор между добром и злом сводится для него к вопросу: «Что важнее – *мои* переживания или *чужие*?» Понимание другого, общение, мостик между сердцами – все это для него в принципе невозможно. Разум – единственное средство общения между людьми, а объективно воспринимаемая действительность – их единственный общий критерий. Когда в сфере нравственности все это отменяется (то есть объявляется ничего не значащим), единственным способом взаимодействия людей становится принуждение. Если субъективист желает достигнуть сугубо личного социального идеала, он ощущает в себе нравственное право принуждать других «ради их собственной пользы» – ведь он *чувствует*, что прав и давно бы привел всех к счастью, если бы они отринули свои заблуждения и признали его правоту.

Итак, на практике сторонники двух школ – субъективизма и «блага-в-себе» – сходятся в одной точке. (Единоы они и в своей психоэпистемологии: адепты «блага-в-себе» обнаруживают свое трансцендентальное благо не посредством особых, иррациональных, интуитивных догадок и откровений, то есть доверяясь субъективным ощущениям.) Сомневаюсь, что хоть один реальный человек, даже по недомыслию, мог бы всерьез уверовать в какую-либо из этих двух теорий. Но обе они оправдывают власть силы и помешательство на могуществе, дают волю потенциальному диктатору и разоряют его жертв.

Объективистская теория ценностей – единственная этическая теория, несовместимая с властью силы. Капитализм – единственный общественный уклад, опирающийся, пусть и неявно, на объективистскую теорию ценностей. Эту его особенность никогда не провозглашали открыто, что имело трагические последствия для человечества.

Зная, что благо существует *объективно* (иными словами, его определяет природа реальности, но обнаружить должен человеческий разум), понимаешь, что любая попытка отвоевать благо физической силой – чудовищное противоречие, которое подрывает самые корни нравственности, лишая человека способности распознавать благо, то есть способности к суждениям. Сила оттесняет на задний план и парализует оценочную способность человека, требуя, чтобы он поступал вопреки этой способности, и тем самым обрекая его на нравственное бессилие. Будет ли кто-нибудь дорожить ценностью, ради признания которой человека вынуждают поступиться собственным разумом? Люди, отупевшие поневоле, не могут иметь мнений, делать выбор, судить о чем бы то ни было. Пытаясь отвоевать благо силой, мы как бы ставим кому-то условие: «Если ты позволишь выколоть себе глаза, то получишь за это коллекцию картин». Ценности не могут существовать (их нельзя оценить) вне полного контекста жизни, нужд, целей и *познаний* отдельного человека.

Объективистский взгляд на ценности пронизывает всю структуру капиталистического общества.

Признание прав личности предполагает признание того, что благо – это не какая-то невыразимая абстракция, принадлежащая к некоему сверхъестественному плану бытия, но часть реальности, земного мира, жизни конкретных людей (вспомним о праве на стремление к счастью⁹). Права личности предполагают, что благо нельзя отделять от его получателей, а людей – считать восполняемым ресурсом, и что ни один человек и ни одно племя не вправе жертвовать одними людьми ради попыток осчастливить других.

Свободный рынок – это *социальный* результат приложения объективистской теории ценностей к практической жизни. Поскольку человек должен открыть для себя ценности посредством разума, он должен быть свободен, то есть иметь возможность свободно мыслить, исследовать, облекать свои знания в материальную форму, выставлять плоды работы на продажу, оценивать их и выбирать материальные блага или идеи, хлеб или философский трактат. Поскольку ценности познаются и обосновываются в контексте, всякий человек должен вырабатывать свое мнение сам, в контексте своих личных познаний, целей и интересов. Поскольку ценности детерминированы реальностью, именно реальность служит для человека высшим арбитром – если суждение человека верно, оно вознаграждается, если же оно ошибочно, то не приносит вреда никому, кроме него самого.

Различия между тремя подходами к ценности особенно важно уяснить в том, что касается свободного рынка. Рыночная цена товара – это не его внутренняя, помещенная в вакуум ценность или стоимость, не «стоимость-в-себе». Свободный рынок никогда не забывает спросить: «Для кого это ценно?», «С чьей точки зрения стоимость такова?» И в широком плане объективного отношения к реальности рыночная цена товара отражает лишь его *социально объективную*, а не *философски объективную* ценность.

Под «философски объективной» я понимаю ценность, устанавливаемую по принципу «наилучшее из возможного для человека», то есть по оценке наиболее рационально мыслящего ума, обладающего максимумом познаний. При этом оценка выносится в отношении конкретной категории явлений в конкретный период и в конкретном контексте (в неопределенном контексте вообще ничего оценивать нельзя). Например, можно логично обосновать, что *с объективной точки зрения* самолет для человека (*для человека в идеале*) несравнимо ценнее, чем велосипед, а книги Виктора Гюго *с объективной точки зрения* несравнимо ценнее, чем бульварная пресса. Но если для данного конкретного человека, при его умственных способностях, бульварная пресса – предел интеллектуального напряжения, то ему нет никакого резона тратить свой мизерный заработок, плоды своих усилий, на оплату книг, которые он не может прочесть, или на субсидирование авиапромышленности, если его потребности вполне удовлетворяет незамысловатый велосипед. (Однако нет причин насильно удерживать все остальное человечество на уровне подобных вкусов, технического развития и доходов. Ценности нельзя ни навязать правительственной директивой, ни утвердить путем голосования.)

Точно так же, как количество сторонников еще не доказывает истинность или ложность некой идеи, гениальность или бездарность произведения искусства, достоинства или недостатки вещи, так и свободная рыночная цена товаров или услуг не обязательно отражает их философски объективную ценность и стоимость. В этом смысле речь может идти только об их *социально объективной* ценности, то есть совокупности индивидуальных суждений всех лиц, участвующих в торговле; совокупности того, что *они сочли* ценным, исходя из контекста своей собственной жизни.

Именно поэтому производитель губной помады, возможно, разбогатеет куда быстрее производителя микроскопов, хотя, как доказывает логика, с научной точки зрения микроскопы гораздо ценнее помады. Ценнее – но *для кого?*

⁹ Автор отсылает к Декларации независимости США. – Прим. пер.

С точки зрения скромной стенографистки, едва сводящей концы с концами, ценность микроскопа равна нулю. Зато помада может дать ей уверенность в себе (в противоположность сомнениям), яркую жизнь (в противоположность скучной работе).

Однако это не означает, что свободным рынком управляют *субъективные* ценности. Если стенографистка истратит все деньги на косметику и ей нечем будет заплатить за «аренду» микроскопа *тогда, когда он ей понадобится* (скажем, для проведения анализов при попадании в больницу), она научится эффективнее распоряжаться своими доходами; свободный рынок преподаст ей урок, и она не сможет наказывать других за свои ошибки. Если она как следует продумает свой бюджет, у нее всегда будет возможность воспользоваться микроскопом *для своих конкретных нужд*; стенографистку не облагают налогами на содержание целой больницы, научно-исследовательской лаборатории или полет космического корабля. В меру своих способностей к производству она все равно возмещает некую долю расходов на научный прогресс *тогда и в той степени, в какой она в нем нуждается*. У нее нет «долга перед обществом». Она несет ответственность только за собственную жизнь. Капиталистический уклад требует от нее только того, чего требует и *природа* — быть разумным существом, жить и поступать так, как кажется лучше ей самой.

Во всякой категории товаров и услуг, предлагаемых на свободном рынке, именно тот, кто предлагает самый лучший продукт по самой низкой цене, получает *в своей отрасли* самое высокое денежное вознаграждение, не автоматически, не моментально, не по правительственному указу, но благодаря природе свободного рынка, приучающего всех участников добиваться *объективно* лучшего в области их компетенции и наказывающего тех, кто руководствуется неразумными соображениями.

Заметьте в связи с этим, что свободный рынок не нивелирует людей, сводя их к некоему общему знаменателю, — ведь в свободном обществе интеллектуальные критерии большинства не руководят свободным рынком, — и что выдающиеся люди, новаторы, гиганты мысли обязаны подлаживаться под большинство. Именно это меньшинство исключительных людей поднимает все свободное общество до уровня своих достижений, а само продолжает штурмовать все новые и новые высоты.

Свободный рынок — это *непрерывный*, неудержимый никакими силами процесс, стремление ввысь, требующее полной самоотдачи (максимально разумных действий) от всякого человека и соответственно вознаграждающее его. Пока большинство только-только усваивает преимущества автомобиля, творчески мыслящее меньшинство уже внедряет в жизнь самолеты. Большинство учится, наблюдая за другими; меньшинство вольно подавать ему пример, демонстрируя наглядные плоды своих идей. «Философски объективная» ценность нового продукта просвещает тех, кто желает использовать свой интеллектуальный потенциал, каждого — в меру его способностей. Те, кому этого делать не хочется, а также те, у кого больше претензий, чем способностей, остаются без вознаграждения. Субъективисты, косные люди или те, кто не способен к рациональному мышлению, не властны препятствовать тем, кто их превосходит.

(Немногочисленное меньшинство тех взрослых людей, которые, в отличие от не желающих трудиться, *действительно не работать* не могут, должно полагаться на добровольные благотворительные пожертвования. Несчастье — еще не повод обрекать других на рабский труд. Человек не имеет никакого *права* командовать теми, без кого он не в состоянии выжить, истощать их и истреблять. Что до экономических кризисов и массовой безработицы, то их причина — не механизмы свободного рынка, а вмешательство государства в экономику.)

Эпигоны, паразитирующие на чужих умах, — подражатели, пытающиеся в меру своего понимания удовлетворить уже известные вкусы потребителей, — постоянно отстают от новаторов, чья продукция поднимает познания и вкусы потребителей на еще более высо-

кий уровень. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правит не потребитель, а производитель. Самого большого успеха добиваются первооткрыватели новых отраслей производства, отраслей, о которых никто и не думал.

Вполне возможно, что некий продукт – в особенности радикально-новаторский – далеко не сразу оценят по достоинству; но за немногими, чисто случайными, исключениями история все ставит на свои места. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правят не интеллектуальные критерии большинства – они берут верх лишь на время, лишь в определенные моменты; свободным рынком правят те, кто в состоянии заглядывать в будущее и планировать загодя. А чем мощнее интеллект, тем он дальновиднее.

Экономическая стоимость чьего-то труда определяется на свободном рынке по одному-единственному принципу – в соответствии с тем, много ли своего труда или своей продукции добровольно согласны отдать за него другие люди. Таково этическое значение закона спроса и предложения, отражающее решительный отказ от двух пагубных доктрин – первобытно-племенной аксиомы и альтруизма. Тем самым признается, что человек – не собственность и не слуга племени; он *работает, чтобы поддерживать в себе жизнь*, как и должен делать по своей природе, и поневоле руководствуется своей корыстью в ее разумном понимании. Если же он хочет вступать с другими в отношения обмена, то не должен рассчитывать на ритуальные жертвы, то есть надеяться, что получит нечто ценное, не отдавая взамен какого-то эквивалента. В данном контексте единственный критерий эквивалентности ценностей – свободное, добровольное, вынесенное без принуждения извне суждение участников обмена.

Люди с племенным менталитетом критикуют этот принцип с двух разных и, казалось бы, взаимоисключающих позиций; они утверждают, что свободный рынок «несправедлив» и к гению, и к среднему человеку. Первое возражение обычно формулируется так: «Почему Элвис Пресли должен зарабатывать больше, чем Эйнштейн?» Ответ таков: потому что люди работают, чтобы поддерживать в себе жизнь и наслаждаться ею, и все те, кто высоко ценит Элвиса Пресли, вправе тратить собственные деньги на то, чтобы себя порадовать. Пресли не отбирает денег насильно ни у тех, кто равнодушен к его творчеству (например, у меня), ни у Эйнштейна, он вообще не конкурирует с великим физиком. Да и Эйнштейн в свободном обществе обрел достаточное признание и финансовую поддержку тех, кто находится на соответствующем интеллектуальном уровне.

Что до второго возражения, будто на свободном рынке человек средних способностей находится в «несправедливо» невыгодном положении, приведу такие слова:

«Взгляните шире, вы, кричащие, что боитесь конкуренции с людьми более высокого ума, что их разум представляет собой угрозу для ваших доходов, что сильные не оставляют шанса слабым на рынке свободной торговли... Но если вы живете в разумном обществе, где люди вольны торговать, вы получаете громадное преимущество: материальная ценность вашей работы определяется не только вашими усилиями, но и усилиями лучших созидательных умов в окружающем вас мире... Машина, застывшая форма живого разума, представляет собой силу, которая расширяет потенциал вашей жизни, повышая продуктивность вашего времени. Если бы вы работали кузнецом в средние века, ваш потенциальный доход состоял бы из железного бруса, выкованного вашими руками за несколько дней работы...

Каждый волен подниматься так высоко, как хочет или может, но только уровень его мышления определяет ту ступень, на которую он перейдет. Физический труд как таковой не может выходить за пределы настоящего. Человек, занятый только физическим трудом,

потребляет материальные ценности, эквивалентные своему вкладу в процесс производства, и не оставляет дополнительных ценностей ни для себя, ни для других. Но человек, создающий идею в любой сфере работы разума, открывающий новое знание, – вечный благодетель человечества. Материальные изделия делить невозможно, они принадлежат конечному потребителю; только ценность идеи можно разделить с неограниченным количеством людей, сделав всех богаче без чьей-либо жертвы или утраты, повысив продуктивную способность выполняемой ими работы...

В пропорции к затраченной умственной энергии человек, создавший новое изобретение, получает лишь ничтожный процент своей ценности в виде материального вознаграждения, какое бы состояние он ни наживал, какие бы миллионы ни зарабатывал. Но человек, работающий уборщиком на заводе, производящем это изобретение, получает громадную плату в пропорции к умственным усилиям, которых требует его работа. И то же самое можно сказать обо всех людях на всех уровнях способностей. Человек на вершине пирамиды интеллекта дает очень много тем, кто находится ниже, но получает только материальное вознаграждение, ему нет никаких интеллектуальных выгод от остальных. Но тот, кто находится внизу, будучи предоставлен сам себе, голодал бы в своей безнадежной неспособности. Он не дает ничего тем, кто над ним, но получает выгоду от их интеллекта. Такова природа "конкуренции" между сильными и слабыми в сфере интеллекта. Такова суть "эксплуатации", за которую вы нас осуждали»¹⁰.

Вот какое отношение имеет капитализм к нашему разуму и к нашему выживанию.

Чудесные успехи, которых капитализм достиг за тот недолгий срок, во время которого фантастически улучшились условия человеческого существования на Земле, уже стали фактом истории. Все потуги антикапиталистической пропаганды не в силах скрыть их, пере-толковать или обойти молчанием. А главное, их не пришлось оплачивать *жертвоприношениями*.

Искусственные лишения, выколачивание «общественных излишков» из голодающих жертв, не могут привести к прогрессу. Прогресс опирается лишь на *личные излишки*, то есть на труд, энергию, творческую неумность тех людей, чьи таланты производят больше, чем требуется для их личного потребления, тех, кто достаточно умен и достаточно богат, чтобы позволить себе усовершенствовать известное и искать чего-то нового, словом – двигаться вперед. В капиталистическом обществе, где такие люди вольны действовать на свой страх и риск, прогресс не требует жертвовать собой во имя гипотетического и отдаленного будущего; он неотъемлем от настоящего, естествен и нормален. Прогресс идет своим чередом, а люди меж тем живут – и *наслаждаются* — своей обычной жизнью.

Теперь рассмотрим альтернативу – общественное устройство по племенному образцу, где все люди «бросают» свои усилия, ценности, устремления и жизненные цели в фонд племени, в общий котел, а потом с голодными глазами балансируют на его краю, пока главарь поварской клики помешивает в котле штыком, держа в другой руке право на жизнь всех этих людей. Самый яркий пример такого общественного устройства – Союз Советских Социалистических Республик.

Полвека назад советские правители приказывали своим подданным терпеть, мириться с лишениями и жертвовать собой во имя «индустриализации» страны, обещая, что все это – лишь временные явления, что индустриализация принесет изобилие и Советская Россия перегонит капиталистический Запад.

¹⁰ Рэнд А. Атлант расправил плечи. — Ч. III. — С. 417–19.

Сегодня Советская Россия по-прежнему не может прокормить свой народ, а правители из кожи вон лезут, пытаясь скопировать, позаимствовать или украсть западные технические достижения. Однако индустриализация – это не статичная цель, а динамичный процесс, в котором любые достижения быстро устаревают. Злосчастные рабы плановой экономики раньше затягивали пояса в ожидании тракторов и электрогенераторов, а теперь затягивают пояса в ожидании атомной энергии и межпланетных перелетов. Таким образом, «при народной власти» научный прогресс опасен для жизни людей, и за всякое его достижение заплачено ценой нещадных поборов с населения.

В истории капитализма ничего подобного не было и нет.

Своим изобилием Америка обязана не самопожертвованию народа во имя «общего блага», а гениальности свободных производителей, заботившихся о своих личных интересах и своих личных капиталах. Они не «покупали» индустриализацию ценой массового голода. Они обеспечивали людям хорошую, лучше прежней работу, рост оплаты и снижение цен на товары; все это прилагалось к каждой новой машине, которую они изобретали, к каждому новому научному открытию или техническому достижению. Страна продвигалась вперед не ценой мучительных усилий, а извлекая из каждого шага пользу для себя.

Остерегайтесь, однако, менять местами причину и следствие: эта деятельность шла стране на благо именно потому, что это благо никому не навязывалось в качестве нравственного долга или цели. Оно было следствием, причиной же стало право человека стремиться к тому, что хорошо для него лично. Именно это право, а не его следствия, можно считать, и является нравственным оправданием капитализма.

Право это несовместимо ни с субъективистской интерпретацией ценностей, ни с теорией «блага-в-себе», ни с этикой альтруизма, ни с племенной аксиомой. Легко догадаться, от какого человеческого качества мы отказываемся, отринув объективность; исходя из исторического «послужного списка» капитализма, легко догадаться и о том, против какого человеческого качества выступают этика альтруизма и племенная аксиома – против разума.

Альтруизм стремится оставить интеллект без вознаграждения, утверждая, что нравственный долг умелых – служить неумелым и жертвовать собой ради нужд всякого встречного. Племенная аксиома идет еще дальше: она вообще отрицает существование интеллекта и его роль в производстве богатств.

Считать богатство анонимным, общеплеменным продуктом и толковать о его «перераспределении» – аморально почти до неприличия. Взгляд на богатство как на результат некоего недифференцированного, коллективного процесса деятельности (все мы что-то делали, но конкретный вклад каждого вычленить невозможно, а потому нужно что-то вроде уравнительного «распределения») был бы уместен где-нибудь в первозданных джунглях, где орда дикарей, полагаясь только на собственную физическую силу, передвигала огромные камни, хотя даже там кто-то должен был выдумать, как лучше переместить камень и организовать работу. Придерживаться такого взгляда в индустриальном обществе, где личные достижения документально фиксируются и становятся известны всем, это такое насилие над истиной, что о нем неприлично помыслить даже гипотетически.

Любой, кому доводилось выступать в роли нанимателя или наемного работника, видеть людей за работой или самому честно отработать хоть один день, знает, какое решающее значение имеют талант, разум, умственные способности, интеллектуальная самоотдача во всех без исключения профессиях, от самого верха до самого низа служебной лестницы. Он знает, что способности или их отсутствие (как объективное отсутствие, так и сознательное нежелание их развивать) могут спасти или обречь на неудачу любую производственную операцию. Фактические доказательства этого тезиса настолько неопровержимы – в теории и на практике, логически и «эмпирически», на материале исторических событий и на личном

опыте всякой «рабочей лошади», – что никто не вправе отговариваться их незнанием. По недомыслию таких колоссальных ошибок не совершают.

Когда великие фабриканты делали деньги на *свободном* рынке (то есть не прибегая к принуждению, обходясь без поддержки или вмешательства властей), они *созидали* новое богатство, а не отнимали его у тех, кто его *не созидал*. Если вы в этом сомневаетесь, поинтересуйтесь показателями «валового национального продукта» – и уровнем жизни – в странах, где таким созидателям богатства не позволено даже существовать.

Обратите внимание, как редко и неадекватно анализируется в трудах теоретиков этатизма-альтруизма-дикарства проблема человеческого интеллекта. Обратите внимание, как старательно современные поборники смешанной экономики, говоря о политической экономии, избегают даже упоминать об интеллекте или способностях, то есть ратуют за расхищение «валового национального продукта».

Часто спрашивают: «Почему, несмотря на его беспрецедентный "список благодеяний", капитализм пал?» Чтобы ответить, нужно учесть, что живительная струя, питающая всякий общественный уклад, – господствующее в данной культуре философское учение. У капитализма никогда не было собственной философской основы. Он оказался последним и (в теоретическом смысле) незавершенным порождением аристотелевской традиции. Когда в XIX веке философию вновь захлестнула волна мистики, капитализм остался в интеллектуальном вакууме, живительная струя пересохла. Ни нравственную природу, ни даже политические принципы капитализма так до конца и не поняли и не сформулировали. Его самозванные поборники считали, что он может ужиться с государственным регулированием (то есть вмешательством государства в экономику), игнорируя значение и следствия «свободы рынка». Словом, XIX век практически не знал капитализма в его чистом виде – на деле существовали лишь разные варианты смешанного экономического устройства. Поскольку регуляторы нуждаются в новых регуляторах и сами их порождают, этатистские элементы этих гибридов повлекли за собой их крах, а обвинили в нем капиталистические элементы, то есть свободу.

Капитализм не мог выжить в культуре, где господствуют мистика и альтруизм, противопоставление духа телу и племенная аксиома. Ни один общественный уклад (и вообще ни одна институция или разновидность человеческой деятельности) не может уцелеть без этической основы. Капитализм, поставленный на альтруистическую этическую основу, был заранее обречен. Так он и погиб¹¹.

Тем, кому не вполне ясна роль философии в политико-экономических вопросах, я предлагаю – как самый красноречивый образец уровня современной интеллектуальной жизни – еще несколько выдержек из статьи «Капитализм» в энциклопедии Britannica:

«Мало кто из наблюдателей склонен предъявлять претензии к капитализму как к механизму производства. Критика обычно основывается на *этическом* или *культурном* неодобрении определенных черт капиталистического уклада, или на краткосрочных бедствиях (кризисах и спадах), перемежающих периоды долговременного прогресса» [курсив мой. – А.Р.].

Причина этих «кризисов и спадов» – вмешательство государства в экономику, а не природа капиталистического строя. А в чем источник «этического или культурного неодобрения»? Статья не дает прямого ответа, но роняет один красноречивый намек:

«Как бы то ни было, и тенденции, и практическое воплощение [капитализма] несут на себе безошибочный отпечаток интересов

¹¹ Интеллектуальному банкротству философов, не сумевших осмыслить феномен капитализма, посвящено заглавное эссе моей книги «Для нового интеллектуала» (For the New Intellectual).

делового человека и, еще в большей степени, его образа мысли. Этот отпечаток несла не только политика, но и система культурных ценностей, а также общенациональная и индивидуальная философия жизни. Материалистический утилитаризм, наивная вера в некую разновидность прогресса, реальные достижения в области чистой и прикладной науки, характер его художественных творений – все это можно возвести к духу *рационализма*, источаемому офисом бизнесмена» [курсив мой. – А.Р.].

Автор статьи, недостаточно «наивный», чтобы верить в капиталистическую (или *рационалистическую*) разновидность прогресса, явно стоит на иной позиции:

«На исходе Средневековья Западная Европа находилась в том же положении, что и многие низкоразвитые государства XX века. [Это значит, что культура Ренессанса была примерно аналогична культуре современного Конго; либо что интеллектуальное развитие людей никак не связано с экономикой.] В странах, стоящих на низкой ступени экономического развития, перед государственными деятелями стоит сложная задача – наладить кумулятивный процесс такого развития, ибо при накоплении определенного количества кинетической энергии дальнейшее продвижение вперед осуществляется более или менее автоматически».

На подобных представлениях основываются все теории плановой экономики. Из-за веры в эту мудрую мысль два поколения русских людей перемерли в ожидании *автоматического* прогресса.

Экономисты классической школы пытались оправдать капитализм в духе племенной аксиомы, утверждая, что он обеспечивает наилучшее «распределение ресурсов» людского сообщества. Из этой статьи мы можем видеть, что следует из их доводов.

«Главной темой классической экономической теории является рыночная теория распределения ресурсов в частном секторе. Распределение между общественным и частными секторами теоретически подчиняется тому же принципу, что и другие виды распределения ресурсов, а именно: сообщество должно извлекать одинаковую пользу из предельного прироста ресурсов, задействованных в общественной сфере, с одной стороны, и в частной, с другой... По утверждениям многих экономистов, существуют веские, возможно – даже неопровержимые причины считать, что общее благосостояние, например, в капиталистических Соединенных Штатах возросло бы в результате перераспределения ресурсов в пользу общественного сектора, если будет больше школ и меньше торговых центров, больше публичных библиотек и меньше автомобилей, больше больниц и меньше игровых площадок».

Это значит, что некоторым людям придется всю жизнь прозябать без адекватного их нуждам транспорта (автомобилей), мириться с дефицитом мест, где можно было бы приобрести необходимые им товары (торговых центров), не иметь возможности расслабиться и развлечься (играя в мяч) – ради того, чтобы другие люди получили школы, библиотеки и больницы.

Если вы хотите узнать конечный результат и исчерпывающий *смысл* племенного взгляда на богатство (состоит он в том, что изглаживаются все различия между действиями частного лица и действиями государственной власти, между производством и насильственным принуждением, а понятие «права» и реальность существования отдельного человека

замещаются взглядом на людей как на расходный материал, как на выючных животных, как на «факторы производства»), вчитайтесь в нижеследующий отрывок:

«Предубежденное отношение капитализма к общественному сектору имеет две причины. Во-первых, все произведенное и все доходы вначале поступают [?] в частный сектор, меж тем как общественного сектора ресурсы достигают за счет такой болезненной операции, как налогообложение. Нужды общества удовлетворяются только с неохотного согласия потребителей, выступающих в качестве налогоплательщиков [а разве *производители* не платят налогов?], чьи политические представители отлично осознают, какую тревогу [!] вызывают у их избирателей вопросы налогообложения. Идея "люди лучше правительства знают, как распорядиться своими доходами" куда больше импонирует людям, чем ее противоположность: "взамен налоговых отчислений граждане получают намного больше, чем могли бы получить, просто истратив эти деньги". [В соответствии с какой теорией ценностей? С чьей точки зрения?]....

Во-вторых, поскольку частный бизнес стремится к скорейшему сбыту товара, современная торговля выработала широкий спектр приемов и уловок, влияющих на предпочтения потребителя и формирующих у него предвзятую систему ценностей, ориентированную на личное потребление... [То есть желание самому распоряжаться заработанными деньгами и не позволять, чтобы их у вас отобрали, – это, с вашей стороны, лишь предвзятость, *предрассудок*.] По этой причине много личных расходов связано с удовлетворением потребностей, которые по сути своей вовсе не первостепенны. [Первостепенны для кого? Да и есть ли какие-то не «первостепенные» потребности, кроме пещеры, медвежьей шкуры и куска сырого мяса?] Как естественное следствие, многие потребности общества остаются неудовлетворенными, ибо эти маловажные, искусственно созданные личные потребности побеждают в борьбе за ресурсы. [Чьи, собственно, ресурсы?]

Сопоставив распределение ресурсов между общественным и частным секторами при капитализме, с одной стороны, и при социалистическом коллективизме, с другой стороны, мы многое поймем. [Вот именно, что многое.] В коллективистской экономике все ресурсы задействованы в общественном секторе; они могут поступать на нужды образования, обороны, здравоохранения, социальных пособий и т. п. напрямую, минуя налоговое ведомство. Частное потребление ограничено притязаниями, которые могут быть *допущены* [кем?] без ущерба для *общественного продукта*, подобно тому как в капиталистической экономике общедоступные услуги предоставляются лишь по определенному списку притязаний, которые могут быть допущены без ущерба для частного сектора [курсив мой. – А.Р.]. В коллективистской экономике нужды общества приоритетны по умолчанию, точно так же, как в капиталистической экономике приоритетно частное потребление. Советский Союз богат учителями и беден автомобилями, Соединенные Штаты – наоборот».

Перейдем к заключительной части статьи.

«Прогнозы относительно жизнестойкости капитализма отчасти зависят от интерпретации самого этого термина. Во всех капиталистических государствах наблюдается смещение центра экономической активности из

частного в государственный сектор... В то же самое время [после окончания Второй мировой войны] объемы частного потребления в коммунистических государствах, по-видимому, были обречены на расширение. [Например, потребления пшеницы?] Складывалось впечатление, что эти два экономических уклада постепенно сближаются. Однако в том, что касается структуры экономики, между ними все еще оставались значительные различия. Резонно предположить, что то общество, которое вкладывает больше средств в свое население, станет прогрессировать быстрее и унаследует будущее. В этом немаловажном отношении капитализм, по мнению ряда экономистов, оказывается в весьма невыгодном, хотя все же не безвыходном, положении по отношению к коллективизму».

Коллективизации советского сельского хозяйства достигли за счет спланированного властями голода – да, спланированного и сознательно спровоцированного, чтобы загнать крестьян в колхозы. Враги Советской России утверждают, что от этого голода умерло 15 миллионов крестьян; советские власти признают гибель семи миллионов.

Когда закончилась Вторая мировая война, враги Советской России заявили, что в советских концлагерях отбывают принудительную трудовую повинность (и умирают от планового недоедания, поскольку человеческая жизнь дешевле еды) 30 миллионов человек; апологеты Советской России признают цифру в 12 миллионов.

Вот что Britannica называет «вкладывать средства в население».

Если культура допускает, чтобы такие заявления выдавались за истину и проходили без последствий для репутации говорящего, то самая тяжкая вина лежит не на коллективистах. Больше всех виноваты те, кто, не решаясь бороться с мистикой и альтруизмом, пытаются, обходя разум и нравственность, оправдать единственный разумный и высоконравственный строй в истории человечества на каких-либо основаниях, кроме его разумности и высоконравственности.

1965 г.

2. Семена войны

Айн Рэнд

Говорят, атомное оружие навело на людей такой страх, что отныне никто не может даже помыслить о том, чтобы затеять войну. Но в то же самое время все народы мира, трепеща от ужаса и беспомощности, не могут отделаться от предчувствия атомной войны.

Подавляющее большинство жителей Земли – те, кто погибает на полях сражений или страдает от голода и угасает среди руин, – войны не хочет. Так было всегда. Но не было ни одного столетия, которое обошлось бы без войн, – через всю историю, отмечая проделанный человечеством путь, тянется длинный кровавый след.

Люди опасаются возможной войны, так как, осознанно или подсознательно, знают, что пока еще не отказались от доктрины, которая приводит к войнам. Она приводила к войнам в прошлом и способна на это в будущем. Эта доктрина гласит, что добиваться своих целей при помощи *физической силы* (применяя силу *первыми* против других людей) справедливо, или целесообразно, или необходимо, а также может быть оправдано некими «благими намерениями». Согласно этой доктрине, сила – легитимный или как минимум неизбежный элемент человеческой жизни и человеческих сообществ.

Рассмотрим одну из самых неприглядных черт современности – совмещение рьяных приготовлений к войне с истеричной пропагандой миролюбия. В действительности у этих двух явлений – *один и тот же источник*, одно и то же политико-философское учение. *Этатизм* — вот имя политической философии нашего века, которая, расписавшись в своей несостоятельности, все же не утратила господствующих позиций.

Посмотрим, что представляет собой по своей природе так называемое «движение борцов за мир». Проповедуя любовь, высказывая тревогу о дальнейшем существовании человечества, они неустанно вопят, что гонку ядерных вооружений нужно остановить, урегулирование международных конфликтов путем вооруженной интервенции – запретить, а войну – от имени всего человечества поставить вне закона. Но в то же самое время эти организации друзей мира не борются против диктатур; их активисты исповедуют этатизм всех возможных оттенков, от доктрины общества всеобщего благосостояния до социализма, фашизма и коммунизма. Иначе говоря, они протестуют, когда одно государство к чему-то принуждает другое, но ничего не имеют против того, чтобы государство в лице правительства к чему-то принуждало своих собственных граждан. Итак, эти люди не одобряют применение силы против *вооруженного* противника, зато вполне санкционируют принятие подобных мер к противнику *безоружному*.

Задумайтесь о грабежах, разрушениях, голоде, зверствах, трудовых лагерях с их подневольными рабами, застенках, массовых бойнях – всех злодеяниях диктатур. Вот что готовы пропагандировать или терпеть – во имя любви к человечеству – современные «борцы за мир»!

Истоки идеологии этатизма (иначе говоря, коллективизма), несомненно, следует искать в аксиомах первобытных дикарей, чьи незрелые умы еще не выработали понятия «права личности». Поэтому дикари верили, что племя – высшая, всесильная власть, собственник жизни своих членов, имеющий право приносить их в жертву по собственному капризу во имя того, что провозгласит «благом». Не способные вообразить себе какие-либо принципы устройства общества, кроме права грубой силы, дикари полагали, что желания племени ограничены лишь его физическими возможностями, а другие племена предназначены ему природой в качестве добычи. Другие племена следовало подчинять силой, грабить, обращать в рабство или истреблять. История всех первобытных народов – это череда меж-

племенных войн и геноцида. Тот факт, что эту дикарскую идеологию теперь исповедуют нации, обладающие ядерным оружием, заставит задуматься любого, кому небезразлично дальнейшее существование человечества.

Этатизм – это система институционализованного насилия и перманентной гражданской войны. Он не оставляет людям другого выбора, кроме жестокой борьбы за политическую власть – грабить или быть ограбленным, убивать или быть убитым. Когда грубая сила – единственный критерий общественного поведения, а покорное непротивление палачу – единственная альтернатива, даже самый забитый из людей, даже животное, загнанная в угол крыса, будет сопротивляться. В государстве рабов мир невозможен.

Самыми кровавыми конфликтами, которые только знает история, были не войны между разными народами, но *гражданские войны* между соотечественниками, которым не удавалось урегулировать свои разногласия мирным путем, апеллируя к правосудию, общечеловеческим принципам или справедливости. Обратите внимание, что история всех абсолютистских государств испещрена кровавыми пятнами восстаний – яростными вспышками слепого отчаяния, не имеющими ни идеологии, ни программ, ни целей; восстаний, которые обычно подавляли, безжалостно истребляя их участников.

При абсолютистском диктаторском режиме хроническая «холодная» гражданская война, характерная для этатизма, принимает форму кровавых чисток – одна банда свергает другую. Так было в нацистской Германии или Советской России. В государстве со смешанной экономикой эта война принимает форму ожесточенной борьбы между разными «лобби»: каждая группа добивается законодательных мер, которые позволили бы вымогать у всех других групп выгодные ей уступки.

Чем ближе политическое устройство какого-либо государства к этатизму, тем сильнее его разобщающий эффект. Режим сам дробит страну на враждующие банды и натравливает людей друг на друга. Когда права личности отменены, нет никакой возможности установить, кто на что вправе претендовать; невозможно проверить правомочность чьих бы то ни было притязаний, желаний или интересов. Соответственно не остается других критериев, кроме чисто дикарского принципа: если его банда достаточно сильна, человек может делать все, что только заблагорассудится. Чтобы выжить при таких порядках, люди могут только опасаться, ненавидеть и уничтожать друг друга. Это – общество подпольных козней, тайных сговоров, сделок, фаворитизма, предательств и внезапных кровавых переворотов.

Оно не способствует духу братства, безопасности, сотрудничества и мира.

Этатизм и в теории, и на практике – всего лишь власть банды. Диктатура – это банда, существующая для того, чтобы отнимать у трудящихся граждан собственной страны плоды их усилий. После того как правитель-этатист истощает ресурсы своей страны, он нападает на соседние. Для него это единственный способ оттянуть крах внутри страны и удержаться у власти. Страна, не считающаяся с правами собственных граждан, не будет уважать и права соседей. Те, кто не признает прав личности, не признают и прав наций; ведь нация – лишь множество личностей.

Этатизм *нуждается* в войне, свободная страна – нет. Этатизм живет грабежом, а свободная страна – производством.

Обратите внимание, что величайшие войны в истории человечества начинали те страны, где контроль государства над экономикой был наиболее сильным. Их агрессия была направлена против других, относительно свободных стран. Первую мировую войну начали монархистская Германия и царская Россия, втянувшие в нее своих относительно свободных союзников. Вторая мировая война началась с альянса нацистской Германии и Советской России и их совместного нападения на Польшу.

Обратите внимание, что во время Второй мировой войны и Германия, и Россия захватывали, демонтировали и транспортировали из завоеванных стран на свою территорию

целые заводы, а самое свободное из государств со смешанной экономикой, полукапиталистические Соединенные Штаты, прислало по программам ленд-лиза своим союзникам массу техники и оборудования на миллиарды долларов, включая опять же целые заводы¹².

Германии и России война была нужна; Соединенные Штаты, которым война была не нужна, в результате нее ничего не приобрели. (США, формально выиграв войну, в экономическом отношении фактически ее проиграли: государственный долг был огромен, а теперь вырос еще больше, поскольку по сей день практикуется нелепая и безрезультативная политика финансовой помощи бывшим союзникам и противникам.) Однако с капитализмом современные сторонники мира борются, а этатизм проповедуют, во имя мира.

Единственный общественный строй, который зиждется на признании прав личности, — и соответственно единственный, при котором из социальных взаимодействий исключено принуждение, — это капитализм типа «laissez-faire», то есть такой, где государство не вмешивается в экономику. Одновременно, в силу своих основополагающих принципов и интересов, это единственный общественный строй, который не приемлет войны.

Те, кто волен производить, не имеют причин для мародерства; в случае войны они ничего не приобретут, но очень многое потеряют. В идеологическом аспекте принцип прав личности не допускает, чтобы люди добывали себе пропитание штыком ни внутри родной страны, ни за ее пределами. В экономическом плане войны стоят денег; в свободной экономике, где имущество принадлежит частным лицам, война оплачивается из кармана граждан, — непомерно раздутой государственной казны, наличие которой могло бы затушевывать этот факт, не существует, а гражданам не свойственно надеяться на то, что, победив в войне, они возместят свои личные убытки (например, дополнительные налоговые отчисления, потери в связи с эвакуацией фабрики или утратой имущества). Значит, сохранение мира — в личных экономических интересах гражданина.

При этатистском экономическом строе, где имущество «в общественной собственности», у гражданина (ведь он лишь капля воды в коммунальном ведре) нет экономических интересов, которые он мог бы отстаивать, борясь за мир. К тому же война вселяет в него надежду (обманчивую) на более щедрые подачки хозяина. В идеологическом плане он приучен относиться к людям как к жертвенным животным — да он и сам такое животное; ему ни за что не уразуметь, почему на том же общественном алтаре, во благо того же самого государства, нельзя приносить в жертву иностранцев.

На протяжении всей истории человечества торговец и воин были заклятыми врагами. На полях брани не процветает торговля, под бомбежкой заводы ничего не производят, руины не приносят дохода. Капитализм — общество *торговцев*. За это его и ругает всякий начинающий террорист, считающий коммерцию «эгоистичным» делом, а завоевания — «благородным».

Тем, кто действительно печется о мире, напомним, что *капитализм даровал человечеству самый долгий в истории период мирного сосуществования* — период, обошедшийся без войн, которые охватывали бы весь цивилизованный мир, — с 1815 года, когда окончилась война с Наполеоном, по 1914-й, когда началась Первая мировая.

Не нужно забывать, что XIX век не знал чисто капиталистического устройства общества, только смешанное. Элементы свободы, однако, преобладали; именно этот век и можно назвать «столетием капитализма», самого близкого к идеалу. Но элементы этатизма развивались на протяжении XIX века, пока, наконец, в 1914 году не взорвали весь мир, причем к этому моменту правительства участвующих в войне государств проводили преимущественно этатистскую политику.

¹² Подробную, документально подтвержденную полную картину ограбления Европы русскими см. в кн.: Keller Werner. East Minus West = Zero. New York: C. P. Pulman's Sons, 1962.

Точно так же, как на внутривнутриполитической арене вина за все зло, причиняемое этатизмом и ограничительными мерами правительства, возлагалась на капитализм и свободный рынок, так и в международных отношениях все отрицательные последствия этатистской политики приписывали капитализму. Такие мифы, как «капиталистический империализм» и «спекулянты, наживающиеся на войне», а также идея, будто капитализм должен завоевывать «рынки», свидетельствуют то ли о недалекости, то ли о беспринципности историков и мыслителей, стоящих на позициях этатизма.

Стержень внешней политики капитализма – *свобода торговли*. Речь идет об отмене торговых ограничений, протекционистских таможенных пошлин, особых привилегий, то есть о том, чтобы открыть торговые пути всего мира для свободного международного товарообмена и конкуренции, осуществляемых напрямую между частными лицами, гражданами всех стран. В XIX веке именно свободная торговля раскрепостила мир, сокрушив пережитки феодализма и этатистской тирании абсолютистских монархий. Как пишет Изабель Патерсон в своей книге «Бог из машины» (The God of the Machine):

«Как и в случае с Римом, мир принял Британскую империю благодаря тому, что она открыла мировые энергетические каналы для коммерции в самых широких рамках. Правда, режим, навязанный Ирландии, в значительной мере был все еще полицейским (по статусу), что имело крайне негативные последствия. Но, за этим исключением, если рассматривать целостную картину, право и свободная торговля являли собой нематериальный экспорт Великобритании. В практическом плане это выглядело так: пока Британия правила морями, любой человек любой национальности мог безопасно добраться куда угодно, а также довести свои товары и деньги в целостности и сохранности».

Как и в случае Древнего Рима, после того как полицейские элементы смешанной экономики в Великобритании разрослись и, возобладав в политике, привели к победе этатистского режима, развалилась и империя, так как она опиралась совсем не на военную силу.

Капитализм завоевывает и удерживает свои рынки, как внутренние, так и зарубежные, в свободной конкуренции. Рынок, завоеванный в результате войны, выгоден (и то на время) только тем приверженцам смешанной экономики, которые стремятся закрыть его для международной конкуренции, навязать ограничения и тем самым насильно добиться для себя особых привилегий. Бизнесмены, стремящиеся завоевать особые преимущества за счет внутривнутриполитических мер и решений правительства, ничем не отличаются от тех, которые стремятся занять некие конкретные рынки благодаря внешнеполитическим действиям правительства. Кто же платит за эти преимущества? Платит за них большинство бизнесменов, внося налоги и тем самым финансируя предприятия, которые не приносят им никакого дохода. Кто же логически обосновывает подобную политику и внушает обществу, что она хороша? Интеллектуалы-этатисты, выдумавшие доктрины «интересов общества», «престижа нации», «неоспоримой миссии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.